

Введение

Если рассматривать историю монументов и памятников, напоминающих о местах расположения концентрационных лагерей-филиалов и об их жертвах, становится ясным весь масштаб замалчивания национал-социалистского прошлого в ФРГ: в первые десятилетия существования ФРГ числом памятников можно было пренебречь. Их воздвижение началось лишь гораздо позже, нередко не взирая на сопротивление представителей местных общин и населения.

Даже на сегодняшний день достаточно часто напрасно ищут на местах 28 бывших лагерей-филиалов концлагеря Нойенгамме какие-либо указатели. В глазах политиков, управлений и других официальных учреждений эти места преследований и репрессий не заслуживают никакого достойного упоминания. Так, к примеру, гамбургский лагерь-филиал на Шпалдингштрассе, в котором находились около 2000 узников, по-видимому, не представляет из себя места, о котором нужно было бы помнить. В то же время радуется, что за это время появилось такое большое количество музеев и памятников, что их списка хватило на целую книгу. Они появились по инициативе оставшихся в живых бывших узников, а также благодаря активному участию людей самых различных профессий и поколений: от школьных групп до учёных, учителей, членов различных партий, профсоюзов и церковных общин и многих других. Также и в будущем требуется не менее активное участие, чтобы память жила дальше. В некоторых учреждениях, городских управлениях и церковных общинах только во время научных поисков для этой книги было обращено внимание на связь их городов с концентрационным лагерем Нойенгамме и его жертвами. Пастор церковной общины Кюлунгсборн/Остзее ответил, к примеру, что только благодаря письменному контакту „стала ясной связь между „катастрофой корабля Аркона“ и захороненными здесь безымянными трупами, найденными в Балтийском море“. Сельское управление в Грубе пишет о находящейся там мемориальной плите в память „Кап Арконы“: „О связи с Нойенгамме нам ничего не известно.“ Факт существования лагерей-филиалов зачастую вообще не знаком. Директор общины Варберг сообщает в письме от 14 мая 1998 года: „До получения Вашего письма нам в общине было вообще ничего не известно о существовании подобного лагеря“. В целом, у запрошенных общественных организаций, таких как управления общин и им подобные, можно констатировать скорее дефицит знания связей между тем или иным районом и концлагерем Нойенгамме.

Тексты надписей и информационных досок в мемориальных местах, которые не приведены в настоящей публикации, требуют собственного систематического исследования. Обращает на себя внимание, как правило, слишком краткая, фальсифицированная или отсутствующая информация - как о лагере, так и об истории самого памятника. В надписях на большом количестве обелисков речь идёт о жертвах концлагерей вообще. Отношение к данному городу или общине и к факту существования концентрационного лагеря просто не упоминается. Даже на кладбищах с сотнями захороненных узников концлагерей, к примеру, в Зальцгиттер-Яммерталь, отсутствуют ссылки на то, кто были эти жертвы и кто преступники, и какая связь существовала между мёртвыми и местом нахождения лагеря-филиала. На Алденбургском кладбище в Вильгельмсхафене чтут, к примеру, погибших узников концлагеря-филиала „Бантер Вег“ только лишь как „жертв нацизма“, даже не упоминая при этом сам лагерь.

На будущее остается только надеяться, что в тех местах бывших лагерей-филиалов концлагеря Нойенгамме, которые до сегодняшнего дня не отмечены как мемориальное место ни оформлением, ни соответствующими ссылками, страдания и гибель узников концлагеря найдут отображение в свидетельствах и документах и этим избегут забвения.

Ганс-Йоахим Хёлер